

Философское наследие Стивена Коннора: зарубежное признание и ограниченная представленность в российском философском дискурсе

Анастасия Викторовна Селютина

Преподаватель кафедры социальной философии, Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук

avselyutina@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена первому знакомству с философским наследием Стивена Коннора, значимость которого получила широкое признание в зарубежных академических кругах, однако остается ограниченно представленной в российском философском дискурсе. Автор рассматривает ключевые научные интересы, основные идеи Коннора, их влияние на современные философские концепции, особенно в области культурной теории и постмодернистской критики. Отмечается существующий разрыв между западной философской традицией и отечественным научным сообществом, обусловленный недостатком осведомленности о значимых западных философских трудах второй половины XX века. На основе анализа ключевых концепций и междисциплинарных методов Коннора делается вывод о значимости его работ для российского гуманитарного пространства, где его идеи способствуют обновлению методологий и расширению научного диалога, а также позволяют глубже осмыслить эволюцию и социальное значение культурных и медиа-феноменов. Предлагается, что знакомство с философским наследием Коннора может стимулировать новые рефлексии и дискуссии, актуализируя важные теоретические проблемы и содействуя развитию критического диалога между российскими и западными философскими традициями. Данная работа является шагом к расширению горизонтов отечественной философии и развитию международного научного сотрудничества.*

Ключевые слова: *Стивен Коннор, философское наследие, междисциплинарные исследования, постмодернизм, эпистемопатия, социальная и культурная теории*

The Philosophical Legacy of Stephen Connor: International Recognition and Limited Representation in Russian Philosophical Discourse

Anastasia Viktorovna Selyutina

Lecturer, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University

avselyutina@mail.ru

Abstract: *This article offers an initial introduction to the philosophical legacy of Steven Connor, whose significance, whilst widely acknowledged in international academic circles, remains scarcely represented within Russian philosophical discourse. The author examines Connor's principal scholarly interests and core ideas, alongside their influence on contemporary philosophical concepts, particularly in the fields of cultural theory and postmodern critique. The study highlights a persistent divide between Western philosophical traditions and the domestic scholarly community, which it attributes to insufficient familiarity with key Western philosophical works from the latter half of the twentieth century. Through an analysis of Connor's central concepts and interdisciplinary methods, the article concludes that his work holds considerable value for the Russian humanities. His ideas contribute to revitalizing methodological approaches and broadening scholarly dialogue, whilst also facilitating a more profound understanding of the evolution and social significance of cultural and media phenomena. It is suggested that engagement with Connor's philosophical legacy could stimulate fresh reflection and debate, bringing pressing theoretical problems to the fore and fostering a critical dialogue between Russian and Western philosophical traditions. This research constitutes a step towards expanding the horizons of philosophy in Russia and advancing international scholarly collaboration.*

Keywords: *Stephen Connor, philosophical heritage, interdisciplinary research, postmodernism, epistemopathy, social and cultural theories*

© А.В. Селютина (Ростов-на-Дону). avselyutina@mail.ru. Южный федеральный университет. Южный Полюс 14 (2) (2025) DOI: 10.18522/2415-8682-2025-14-46-67

Отечественная философия сталкивается с рядом трудностей в адаптации и следовании современным западноевропейским и американским философским трендам. Причины этого многообразны и выходят за рамки данной статьи. Однако необходимо отметить одну из ключевых – проблему перевода фундаментальных философских трудов западных авторов на русский язык. Кроме того, следует учитывать исторические и культурные особенности российского философского пространства, которое традиционно ориентируется на собственные интеллектуальные традиции, иногда противопоставляя себя западной философии. Многие значимые зарубежные философы и их работы остаются малоизвестными в российском академическом сообществе¹. Такая ситуация способствует ограничению доступа к современным концептуальным разработкам и замедляет интеграцию новых теоретических подходов в отечественный философский дискурс.

В современном научном контексте российская философия сталкивается с критической ситуацией: многие фундаментальные работы, опубликованные в 1960-1990-е годы (и даже раньше) и оказавшие кардинальное влияние на развитие западной философии, остаются недостаточно известными в отечественной академической среде. Это создает значительный разрыв между современными западными философскими концепциями и текущим состоянием российского философского дискурса, что негативно сказывается на качестве и актуальности отечественных исследований. Решение данной проблемы требует системного подхода к знакомству российских философов с ключевыми западными авторами и их работами. Одним из таких шагов

¹ Некоторые малоизвестные имена прозвучали в рамках докладов круглого стола «Не переведены и не опубликованы», прошедшего 7 мая 2025 года в Институте философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), и организованного журналом «Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии» (рецензируемый электронный журнал). Это такие имена как: Альдо Магрис, Эрик Хзвелок, Хью Ллойд-Джонс, Малькольм Кросс, и многие другие.

является представленная в статье инициатива – введение отечественных исследователей в философское наследие Стивена Коннора, чьи идеи могут обогатить отечественные гуманитарные традиции и открыть новые возможности для рефлексии над известными философскими проблемами последних лет и десятилетий (идентичность, коммуникация, онтологические и гносеологические (эпистемологические) проблемы).

Стивен Коннор является выдающимся британским учёным, чьё влияние на литературоведение, культурологию, философию языка и теорию медиа вторая половина XX и начало XXI веков отмечают как значительное. Его исследования интегрируют пересечения с философией, психоанализом, антропологией и медиа-теорией, что позволяет рассматривать его вклад в развитие того, что за границей называют Cultural Studies, с междисциплинарной перспективой.

Его специализацией в студенческие годы стала английская литература XIX-XX веков (Диккенс, Джойс, Вульф, Беккет и другие). Именно тогда у него сформировался интерес к тому, как литература отражает, формирует и деформирует человеческое сознание, язык, культуру.

В 1973 году он поступил в Уодхэм-колледж в Оксфорде для изучения английского языка; одним из его наставников был Терри Иглтон¹. В 1976 году Коннор получил степень бакалавра искусств первого класса. В 1980 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Прозаическая фантазия и мифология 1880–1900» (в оригинале – «Prose fantasy and myth-criticism

¹ Терри Иглтон является ведущим британским литературоведом и философом, одним из наиболее влиятельных мыслителей в области теории культуры и литературной критики второй половины XX и начала XXI века. Иглтон известен своим глубоким анализом марксистской эстетики, социальной философии и теории идеологии. В работах он критически осмысливает современные культурные и политические процессы, уделяя внимание вопросам власти, идеологии и социальной справедливости. Его книги и идеи достаточно известны в отечественном философском дискурсе («Идея культуры», «Теория литературы: введение», «Марксизм и литературная критика» и другие работы).

1880–1900»)¹ в том же университете. С 1980 года преподает английский язык в Биркбек-колледже в Лондоне.

Поворотными для Коннора стали 1990-е годы: в 1994 году он был назначен профессором современной литературы и теории (Professor of Modern English Literature and Theory) в Колледже Биркбек, Лондон. Так, он официально был признан не просто как историк литературы (как специалист по Диккенсу, например), а как мыслитель, который работает на уровне литературной теории, философии литературы, культурной критики. В этот период он получил международное признание, был приглашен с лекциями в США (Стэнфорд, Беркли, Йель, Принстон), Франции (Сорбонна), Германии (Берлинский университет, Веймар), Австралии (Мельбурн, Сидней).

После 1994 года² он преподавал английский язык в Кембриджском университете в должности профессора (2012-2022 гг.), профессора-стипендиата в Питерхаусе (2021-2022 гг.), с 2022 года профессор в Кингс-колледже в Лондоне. Участвовал в экзаменации на PhD более 150 кандидатов наук в Лондонском университете, а также в других университетах Великобритании и в университетах Австралии, Германии, Финляндии, Нидерланд и Ирландии.

Деятельность Стивена Коннора не ограничивается только преподавательской работой. С 2002/3 по 2012 год он также занимал должность академического директора Лондонского консорциума, аспирантуры Лондонского университета, которая специализировалась на междисциплинарных программах. С 2012 по 2022 год он является профессором английского языка по программе Grace 2 в Кембриджском университете и научным сотрудником Питерхауса в Кембридже. В июле 2016 года он был избран членом

¹ Его диссертация размещена на сайте Британской библиотеки (E-Thesis Online Service (Ph. D). The British Library Board), однако на момент обращения доступ к просмотру и работе с цифровой копией невозможен «из-за киберинцидента»: (дата обращения: 18.11.2025).

² Далее, информация о его CV предоставляется на основании раздела CV на его личном сайте (дата обращения: 15.04.2025).

Британской академии (FBA), национальной академии гуманитарных и социальных наук Соединенного Королевства. С 2018 по 2022 год являлся директором Центра исследований в области искусств, социальных и гуманитарных наук (CRASSH) Кембриджского университета¹. В 2023 году он стал директором по исследованиям в Институте цифрового будущего Королевского колледжа в Лондоне. Его административная деятельность преимущественно с междисциплинарными исследованиями.

Также он является членом редакционной коллегии многих журналов (Parallax, Critical Quarterly, Journal of Visual Culture, Senses and Society, Journal of Beckett Studies, Blackwell Literature Compass, Australian Humanities Review, SoundEffects, Ctrl-Z) и основателем и редактором серий книг Technographies и Open Humanities Press.

Активно с 1985 года принимает участие в подкастах и трансляциях в качестве рецензента, комментатора, а также автора и ведущего. На его личном сайте размещены некоторые записи подкастов, участником которых он стал (с расшифровками)². Этот сайт представляет собой ценнейший ресурс, позволяющий не только узнать основную информацию о его работах, но и ознакомиться практически со всеми его статьями, докладами и выступлениями. В некоторых случаях доступны аудиозаписи выступлений. Для всех материалов, размещённых на сайте, указаны год публикации или выступления, а также место, то есть он обеспечивает возможность корректного цитирования.

Публикационная активность Стивена Коннора продолжается, на сайте предоставлена информация о книгах, которые он планировал выпустить в 2025 году, а также план на 2026 г.

Научные интересы Коннора отличаются значительным разнообразием и оригинальностью. Ниже представлены основные темы его исследований, а также значимые для

¹ (дата обращения: 15.04.2025).

² Раздел Broadcasts на личном сайте Стивена Коннора: (дата обращения: 15.04.2025)

понимания его творчества ключевые книги.

Первые книги Коннора были посвящены личностям Чарльза Диккенса (1985) и Самуэля Беккета (1988). Также у него опубликованы еще несколько книг, посвященных конкретным личностям и их идеям: «Джеймс Джойс» (1996), «Беккет. Модернизм и материальное воображение» (2014) и «Гастон Башляр: интеллектуальная биография» (2025). Коннор продолжает исследования английского языка и литературной теории.

Что касается социальной теории и философии, то Коннор не создал собственную «теорию всего» (как, допустим, Фуко – свой дискурс-анализ) или системную философию. Зато он удивительным образом синтезировал несколько крупных интеллектуальных течений второй половины XX века. В 1990-х годах Коннор начинает исследовать медиа (включая типографику и письмо), а также обращает внимание на звуковые исследования (Sound Studies). На его сайте опубликовано 48 докладов, лекций, текстов выступлений в ток-шоу и интервью, посвящённых изучению и анализу таких феноменов, как шум, голос, музыка, звук, слух. Например, «**Tones of Face: On Psychophonotypographics**» (лекция, прочитанная на симпозиуме «Акустический текст: звук и музыка в литературе» в Технологическом университете Наньян, Сингапур, 2021), «**Acousmania**» (лекция на конференции «Sound Studies: Art, Experience, Politics», CRASSH, Кембридж, 2015), «**The Chronopher**» (доклад, 2009) и другие. Он уделяет внимание «машинам» (например, слуховым аппаратам) и показывает их связь с проблемой телесности (удвоение тела), связывает звуковые исследования с политикой и онтологией (пространство, время, звуковой ландшафт), определяет голос как распределитель времени и другие аспекты.

Стивен Коннор рассматривает медиа не просто как технические средства передачи информации, а как сложные культурные, материальные и сенсорные феномены, которые

формируют человеческое восприятие, социальные практики и способы взаимодействия с миром. Его интересуют различные среды передачи информации (звук, письмо, тело) и их влияние на содержание сообщения (в этом прослеживается влияние Маршалла Маклюэна), а также феномен чревовещания. Для Коннора голос всегда опосредован средой (воздухом, микрофоном, радио и т.д.). Данной проблеме посвящены такие работы, как **«Ошеломленный: культурная история чревовещания»** (2000, на англ. **«Dumbstruck: A Cultural History of Ventriloquism»**) [1], в которой он исследует чревовещание как особую форму коммуникации, демонстрирующую разрыв между голосом и его источником и анализирует, как медиа (например, радио) создают иллюзию присутствия, подобно чревовещанию, отделяя голос от его физического источника, а также **«За пределами слов: рыдания, напевы, заикания и другие вокализации»** (2014, на англ. **«Beyond Words: Sobs, Hums, Stutters and Other Vocalizations»**) [2], посвященной анализу невербальных вокализаций как коммуникативных актов. К ним относятся мычание, хныканье, всхлипы, кашель, смех, вздохи и многое другое. В последней работе Стивен Коннор выводит понимание коммуникации за пределы лингвистических моделей.

В работе **«Постмодернистская культура: введение в теории современности»** (1989, на англ. **«Postmodernist Culture: An Introduction to Theories of the Contemporary»**) [3] он анализирует влияние медиа на формирование постмодернистской культуры. Он обсуждает, каким образом такие технологии, как телевидение, кино и реклама, способствуют созданию гиперреальности, фрагментации и утрате традиционных иерархий между высоким и низким искусством. Эта работа представляет собой важный вклад в теорию медиа в контексте постмодернизма.

Подробнее остановимся на «Постмодернистской культуре...» как одном из значимых «введений» в постмодернизм. Книга, опубликованная в 1989 году, хотя её

написание началось в 1987 году, появилась на фоне активных дискуссий о «исчерпании» потенциала постмодернизма и поисках сходств внутри направления. Коннор фиксирует смещение к «аналогичному постмодернизму» через обсуждения орфографической стандартизации приставки «пост», рассматривая варианты её написания: слитно, раздельно, через дефис, с заглавной или строчной буквы. При этом он иронично замечает, что одной из характерных черт постмодернизма является массовое написание вводных материалов и инструкций по изучению, к которым относится и его книга [4].

В 1997 году вышло второе, расширенное издание книги, в котором постмодернизм был воспринят иначе, чем в первом издании. «Мой пересмотр, переосмысление и расширение «Постмодернистской культуры» было предпринято в контексте выпуклости сверхсвязности концепции постмодерна. Новые существенные обсуждения, включенные в это издание, призваны не только обновить книгу путем анализа более поздних практических и теоретических разработок, особенно в юриспруденции, танцах, музыке, культурологии, киберкультуре, географии и экологической мысли, а также более поздних размышлений таких мыслителей, как Жан-Франсуа Лиотар и Фредрик Джеймсон, но также, как я теперь начинаю понимать, предоставить некоторые материалы и поводы для обсуждения этой чрезмерной согласованности» [3, ix].

Основная цель книги – не дать окончательное определение постмодернизму, а представить читателю своего рода карту, путеводитель по сложной и запутанной территории постмодернистских теорий и практик конца XX века. Коннор идентифицирует и анализирует ряд сквозных стратегий и тем постмодернизма: ирония, пастиш, апроприация, фрагментация, метафикциональность, деконструкция бинарных оппозиций, стирание границ (высокое/низкое, искусство/жизнь, реальность/симуляция). Он утверждает, что постмодернизм представляет собой комплекс

взаимосвязанных, но зачастую противоречивых тенденций, проявляющихся в различных культурных сферах.

Книга является одним из наиболее значительных англоязычных введений в теорию постмодернизма. Его главное достижение заключается в способности соединить разрозненные течения мысли – от философии и литературоведения до искусства и политики – в цельную картину культурных изменений второй половины XX века. При этом Коннор не стремится предложить единую теорию постмодернизма, а подчеркивает его множественность. Он демонстрирует, что постмодернизм может выступать как философская позиция (Лиотар, Деррида), эстетическая стратегия (Уорхол), культурный феномен (Бодрийяр, Джеймисон) и социальная критика (Фуко, Батлер).

Одной из сильных сторон книги является её междисциплинарность. Коннор свободно перемещается между различными научными областями, демонстрируя, как постмодернистская проблематика пронизывает все формы культуры: архитектуру, искусство, фотография, танец (основывается на Салли Бэйнс), литература (основывается на идеи Ихаб Хассана), театр и перформанс, кино, телевидение, видео, массовая культура (спорт, мода, музыка). Кроме того, Коннор описывает и анализирует влияние и реализацию постмодернизма в социальной и правовой теориях, культурной политике, политике и географии, феминизме, постколониальных исследованиях, этике, религии и экологии.

Для написания «Постмодернистской культуры» Коннор проделал колоссальную работу по подбору и анализу источников. Так как к 1987 году исследования, посвящённые постмодернизму, уже были многочисленны, он ограничил круг изучаемых работ, включая в своё введение только те, которые соответствовали хотя бы одному из следующих критериев [3]: в работе автор предлагал определение постмодернизма; автор обобщал или противопоставлял определения постмодернизма; иллюстрировались

характеристики постмодернизма на примерах; рассматривались проблемы, проистекающие из постмодернизма; в работе автор иным образом участвовал в дебатах о постмодернизме, называя его конкретно. Таким образом, в «введении в теории современности» он обращается к интеллектуальному наследию философов¹ – Жан-Франсуа Лиотар, Жан Бодрийяр, Жак Деррида, Мишель Фуко, Жак Лакан, Зигмунд Фрейд, Пьер Бурдьё, Ханс-Георг Гадамер, Ролан Барт, Михаил Бахтин, Фредрик Джеймисон, Ихаб Хассан, Жиль Делёз и Феликс Гваттари, Юрген Хабермас, Вальтер Беньямин, Терри Иглтон, Ги Дебор, Фридрих Ницше, Иммануил Кант, Георг Гегель и других; а также к писателям, художникам и деятелям искусства, отражающим культурные практики постмодерна, и исследователям культуры и постмодернизма.

В «Постмодернистской культуре» Стивен Коннор акцентирует внимание на нескольких парадоксах постмодернизма. Постмодернизм характеризуется предельным самосознанием, при котором критика и культура переплетаются настолько, что сам анализ постмодернизма становится его частью. Это порождает парадоксальные ситуации, например, когда отрицание метанарративов само превращается в метанарратив. Во-вторых, постмодернизм существует в напряжённом пространстве между культурой и критикой, не сводясь полностью ни к одной из них, хотя и относится к обеим. В-третьих, постмодернизм провозглашает плюрализм и отсутствие центра, но при этом сам становится авторитетным дискурсом, регулирующим эти идеи. В-четвёртых, форма обсуждения постмодернизма и его критика становятся органической частью его содержания.

Интересным представляется отметить, что в России сравнительно недавно, 31 января 2024 года, был опубликован перевод статьи Стивена Коннора «Постмодернизм на

¹ Особенно часто Коннор обращается к наследию Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра, упоминания идей которых присутствуют практически во всех главах книги. Также значимое место в его тексте занимает Фредрик Джеймисон.

пенсии» (оригинальное название – «Postmodernism Grown Old»)¹ [4, 5]. Данная статья была опубликована в журнале «Всеализм»², который позиционирует себя как издание, посвящённое исследованию экспериментальной поэзии и современных художественных и когнитивных практик. Перевод осуществили представители постпосткружка³ – лаборатории современной критической мысли, исследующей культурное и философское пространство XXI века. Оригинальная статья была впервые опубликована в коллективной монографии «Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций»⁴ (Воронеж, 2005) под редакцией М. К. Поповой и В. В. Струкова.

Если «Постмодернистскую культуру» можно воспринимать как оптимистическое исследование потенциала постмодернизма, то «Постмодернизм на пенсии» является уже более тонкой, рефлексивной и критической оценкой как собственной работы Коннора 1989 года, так и наследия постмодернизма в целом. Коннор отмечает, что на 2005 год постмодернизм приближается к своему завершению, а его жизнедеятельность поддерживается отсрочиванием гибели посредством постоянных саморефлексий. Как справедливо подмечает Коннор, «игра в отсрочивание может стать идентичной самой игре» [4, р. 55]. Ученый также приводит хронологию развития постмодернизма и дает характеристику каждому из выделенных периодов.

В период накопления (1970-е и начало 1980-х) предпринимались многочисленные попытки четко

¹ Ссылка на статью: (дата обращения: 20.04.2025).

² Журнал позиционирует себя как «журнал-исследование экспериментальной поэзии и современных художественных и когнитивных практик»: (дата обращения: 20.04.2025).

³ Официальный сайт: (дата обращения: 20.04.2025). На момент написания статьи страница сайта не работала; «Лаборатория современной критической мысли, в центре которой лежит осмысление пространства XXI века с точки зрения философии, литературы и искусства, поиск ответов на вопрос, где проходят границы актуального гуманитарного знания, творчества, экономики, политики, и что значит культура сегодня?».

⁴ Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций / ред. М.К. Попова и В. В. Струков. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2005. - 360 с. (Серия «Монографии»; вып. 11).

определить понятие «постмодернизм», однако эти инициативы не увенчались успехом из-за различного понимания термина и его применения к несопоставимым типам объектам (театр, реклама, танец и т.д.). Такая ситуация объясняется многообразием и неоднородностью феномена постмодернизма, что усложняет формирование единого определения на тот момент.

Начиная с середины 1980-х годов начинается следующий период, который Коннор обозначает как «синтез». Открывающей работой данного этапа Коннор указывает эссе Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»¹, опубликованное в 1984 году в журнале *New Left Review*. Данный период характеризуется систематизацией отдельных теорий и ростом синкретизма в осмыслении постмодернизма. По словам Коннора, «постепенно все более значимым становилось не то, какие толкования адекватнее описывают частные проявления постмодернизма, а то, как рифмуются друг с другом разные представления о постмодерне. То, что параллелизм стал более важным и интересным, чем причинность, представлялось самой сущностью постмодерна» [5]. К концу 1980-х годов постмодернизм рассматривался как общий горизонт или комплексная гипотеза. Коннор фиксирует переход от генеалогического постмодернизма к аналоговому постмодернизму, где выявление родства и параллелизма между проявлениями постмодернизма стало важнее, чем построение модели их происхождения. В этот же период развивались дискуссии о правильном написании терминов «постмодернизм» и «постмодерн» – слитно, отдельно, через дефис – а также об отличиях постмодерна, постмодернизма и постмодерности. Третьей отличительной чертой становится существование постмодернизма как дискурса: «постмодернизм стал названием деятельности, посвященной постмодернизму. Постмодерн превратился в подобие облака

¹ В 1991 году Ф. Джеймисон опубликовал известную российскому сообществу одноименную книгу, сборник эссе.

данных, туман дискурса, который светился на радаре сильнее чем то, что он должен был отражать. ... Он перестал быть культурным барометром и сам стал задавать погоду» [5].

Следующий период Коннор охарактеризовал как автономность (от собственных объектов), он развивался в 1990-х годах. Постмодернизм трансформируется в философскую манеру, стиль мышления. «На этом этапе он все больше ассоциировался с постколониализмом, мультикультурализмом и политикой идентичности. И пока постмодернизм охватывал все больше академических дискуссий, в популярном дискурсе само понятие превратилось в ругательство. Таким образом, постмодернизм приобрел автономию от собственных объектов» [5].

Заключительный период развития постмодернизма, который Коннор называет «рассеиванием» (конец 1990-х – начало 2000-х годов), характеризуется появлением многочисленных новых руководств и введений, где постмодернизм рассматривается уже не как строго структурированное явление, а как популярное или общее культурное настроение. В этот период наблюдается снижение интенсивности теоретических дискуссий и постепенное распространение понятия в различных контекстах, что свидетельствует о рассредоточении и ослаблении прежней централизованной концепции постмодернизма.

В статье Стивен Коннор подводит итог, отмечая, что «формы вопрошания и аргументации, проводником которых прежде служил постмодернизм, теперь обитают в новых дисциплинах, представленных «теорией тела», «теорией пространственных искусств», «глобализацией» и активно развивающимися исследованиями в области кибернетики и цифровой культуры. Это может ясно указывать на то, что случайное стечение обстоятельств, названное постмодернизмом, распадается» [5]. Причинами упадка постмодернизма Коннор считает коммерциализацию, кризис критики (деконструкция стала академическим ритуалом), а

также появление новых вызовов (цифровизация, климатические изменения, которые требуют новых языков описания).

Коннор фиксирует интересную особенность и отличие постмодернизма от модернизма: «самая поразительная разница между модернизмом и постмодернизмом заключается в том, что никаких руководств к модернизму или теоретических введений не появлялось до тех пор, пока не появилось ощущение, что он завершился. То, что для модернизма было подрывным манифестом, для постмодернизма стало «введением» или «руководством» по разминированию» [5]. Также определенной особенностью постмодернизма является то, что он пробудил интерес к модернизму, так как руководства по постмодернизму и введения в постмодернизм, в которых прослеживалась линия возникновения различных видов постмодернизма из разных видов модернизма, создавали впечатление, что читателю, прежде чем читать о постмодернизме, необходимо изучить модернизм.

За пределами обсуждаемых в «Постмодернистской культуре...» проблем, Коннор обращает внимание на кожу человека как объект литературы, искусства, медицины и философии от античности до современности (восприятие татуировок и пирсинга). В «The Book of Skin» (оригинальное название – «Книга кожи», 2004) [6] он представляет культурную историю кожи, анализирует, связанные с ней проблемы – восприятие физических проблем (проказа, пигментация, румянец и т.д.), как граница между внешним и внутренним (как она формирует идентичность, расовая проблематика, тактильность), культурные смыслы кожи (представление в искусстве), изменение поверхности кожи (татуировки, пирсинг, шрамирование, изменение косметикой, и другое). Кожа выступает как сложный культурный объект.

Коннор в своих более поздних исследованиях обращается к проблемам телесной риторики в работе «Уступая дорогу:

размышления о недооценённых наклонностях» (оригинальное название – «Giving Way: Thoughts on Unappreciated Dispositions», 2019) [7], посвященной пересмотру традиционных представлений о поведении, демонстрирующим пассивность (милосердие, смирение, вежливость, сдержанность, благодарность, извинения, а также сопровождающие их действия, например, поклон). Он рассматривает поклон, например, как социальную практику и индикатор свободы. Для него тот, кто подчиняется и демонстрирует покорность и смирение, более свободен, чем властвующий. «Those who submit thereby have more freedom and variability than those to whom they submit»¹ [7, p. 71].

Книга «Парфенейлия: Любопытные жизни магических вещей» (оригинальное название - «Paraphernalia: The Curious Lives of Magical Things», 2011) [8] посвящена рассмотрению вещей, которые нас окружают в повседневной жизни, с точки зрения культурной антропологии и социальной теории. Он уделяет внимание формированию социальных ритуалов, привычек, жестов обыденными вещами, такими как сумки, пуговицы, карты, ключи, газеты, таблетки и другое.

Стивен Коннор разрабатывает оригинальную теорию знания, в которой фокус смещён с традиционного вопроса о процессе познания и способах его осуществления на более глубокие аспекты того, что значит знать, не знать и желать знать, а также на телесные ощущения, сопутствующие получению знания. Кроме книги «Безумие знания: о мудрости, невежестве и фантазиях познания» (оригинальное название - The Madness of Knowledge: On Wisdom, Ignorance and Fantasies of Knowing», 2019) [9], он уточняет эту проблему в статьях, лекциях и интервью². Главной проблемой являются взаимоотношения человека и знания: «почти всё философское внимание к эпистемологическим вопросам было неизбежно

¹ Перевод мой - авт.: «Те, кто подчиняется, в результате обладают большей свободой и вариативностью, чем те, кому они подчиняются».

² Раздел Epistemopathies (Эпистемопатии) на официальном сайте Стивена Коннора: (дата обращения: 17.11.2025).

рефлексивным – то есть философы использовали свои способы беспокойства и размышления о знаниях, чтобы задавать и реализовывать то, что может делать сама философия. Но гораздо меньше внимания уделяется другой, более острой форме эпистемической рефлексивности – феноменологии знания. Я предлагаю назвать это эпистемопатией... Там, где эпистемология исследует истину, или логос, знания, эпистемопатия взяла бы в качестве объекта пафос познания, то есть то, что мы чувствуем по отношению к знанию и его сопутствующие и исполнительные действия – обучение, мышление и преподавание»¹.

Он разрабатывает понятия «экзоэпистемология», «экзоэпистемопатия», «эпистемофобия», «эпистемофилия», «эпистемопатия», «эпистемотопия», «эпистемократия». Последним двум понятиям отведены главы в книге «Безумие знания...». Экзоэпистемология является, по сути, подходом, противопоставленным классической эпистемологии, сфокусированной на внутренних процессах познания субъекта. Она демонстрирует, что мы не столько обладаем знанием, сколько взаимодействуем с ним как с чем-то внешним, даже театральным, что является неотъемлемой частью знания.

Эпистемопатия у Коннора представлена как «страстное (аффективное) знание», знание как телесное и аффективное переживание. «Эпистемопатия позволяет нам признать, что в любом познании должен присутствовать элемент самозвания. Эпистемопатия помогает понять, как мы играем в знание или, говоря менее пренебрежительно, разыгрываем различные игры знания. Театральность познания требует декораций и свойств, как риторических – как, например, формализованные обмены вопросами и ответами, так и сцены, пространства и случаи знания. Знание неотделимо от какой-то театральной постановки»².

¹ Проспект, составленный 21 июля 2017 года, в рамках работы над книгой «Безумие знания»: (дата обращения: 17.11.2025).

² Лекция, прочитанная 23 мая 2018 года в Международном колледже по изучению культурных технологий и средневековой философии (ИККМ), Веймар: (дата обращения: 17.11.2025).

Отношение к знанию Коннор демонстрирует через амбивалентную пару эпистемофилия-эпистемофобия, страстное желание знать и страх перед знанием, соответственно. Страх является реакцией на опасности, которые может нести знание (тревога, разрушение иллюзий и т.д.). Коннор показывает, что эти две силы неразделимы и постоянно борются друг с другом. Желание знать всегда сопровождается страхом перед тем, что может быть обнаружено.

Эпистемотопия есть понятие, выражающее желание картографировать знание, выявить его центр и периферии, а также освоить и поглотить пространство/а. Знание становится ресурсом, который необходимо присвоить.

Вместе эти понятия показывают, что знание является сложной и насыщенной аффектами, властными отношениями (общество знания, власть экспертов и т.д.) и пространственными метафорами системой, которая и составляет «безумие знания». Стремление знать (желание знать у Аристотеля) – это одержимость знанием, безумие. Познание движимо силами, выходящими за пределы рационального – страстью, страхом, тревогой, одержимостью, властью, неудовлетворенностью – а, следовательно, рациональная способность людей познавать по своей сути иррациональна. И в этом состоит «безумие».

Круг интересов Стивена Коннора на перечисленных выше темах не заканчивается. Также он разрабатывает и другие идеи. Он много пишет об атмосфере, дыме, дыхании, смоге в статьях, докладах и лекциях, а также книге «Вопрос воздуха: наука и искусство эфирного» (на языке оригинала – «The Matter of Air: Science and Art of the Ethereal», 2010) [10]. Коннор исследует воздух не просто как физическую среду, а как культурный и философский феномен, сформировавший западную цивилизацию (пневматическая цивилизация), наши технологии, религию, искусство и само восприятие реальности. В данной работе воздух выступает как

неотъемлемая часть нашей жизни, а также как пространство или территорию, которую можно использовать для доминирования и власти.

Интересы Стивена Коннора не исчерпываются перечисленными работами и проблемами. В книге «Философия спорта» (оригинальное название – «A Philosophy of Sport», 2011) [11] он представляет спорт как фундаментальную черту современного человека, способствующих освоению и осмыслению мира через тело. Спорт раскрывает, что значит быть человеком, обладающим телом, волей, стремлением к совершенству и потребностью в правилах, сообществе и игре. Коннор занимается культурной реабилитацией чисел и количественных измерений в работе «Жизнь по цифрам: в защиту количества» (оригинальное название – «Living By Numbers: In Defence of Quantity», 2016) [12]. Он исследует «машинологию», представляя машины не как пассивные инструменты, а как «мечты», то есть продукты воображения и субъекты, порождающие новые возможности, в работе «Dream Machines»¹ (2017) [13]. В книге «A History of Asking» (2023) [14] Стивен Коннор обращается к практикам просьбы (от мольбы до требований) как социальным практикам взаимодействия в обществе (и не только среди людей).

Кроме перечисленного, Стивен Коннор занимается также изучением дискурсов животных и мух² как объектов искусства, литературы и социальной теории; психополитическими церемониями («Ceremonics, Giving Way» (2019), «A History of Asking» (2023), «Styles of Seriousness» (2023), планирует еще книги в подобной тематике. Предположительно будут посвящены риторике оскорблений и насмешек, стилистике страданий и печали, а также ритуалах и рутинах познания)³; культурной феноменологией; феномена технологий и

¹ Предполагается несколько вариантов перевода названия книги – «Машины-грезы», «Машины-сны», «Воображаемые машины», «Машины-мечты».

² В работах Самуэля Беккета.

³ Информация взята из раздела «Церемонии» официального сайта Стивена Коннора: (дата обращения: 18.11.2025).

технографией.

Подводя итоги, Стивен Коннор внес значительный вклад в развитие междисциплинарных гуманитарных исследований. Он предстает как ученый-энциклопедист, деконструирующий повседневность и феномены социального. Изучение работ Стивена Коннора представляет огромный интерес для российских ученых (философов, культурологов и других), так как его междисциплинарный подход и оригинальные теоретические концепции существенно расширяют горизонты гуманитарных исследований. Коннор предлагает новые методы осмысления медиа, звука, телесности и культуры, выводя традиционные гуманитарные дисциплины на качественно иной уровень понимания. Он вводит понятия, которые позволяют глубже анализировать феномены знания, власти, аффекта и пространства, что важно для современного социально-философского и культурологического анализа в России. Особую актуальность представляет разработанный Коннором инструментарий для анализа современных общественных процессов. Феномены экспертного знания и информационного противостояния находят точное объяснение в диалектике эпистемократии и эпистемопатии, а экологический дискурс и цифровая трансформация раскрываются через призму его философии воздуха и теории технических медиа. Кроме того, его внимание к историческому контексту помогает исследователям лучше понять эволюционные процессы и влияние культурных явлений. Изучение идей Стивена Коннора может помочь в становлении в России школ Cultural Studies и Sound Studies. Освоение и внедрение идей Коннора позволит российским учёным повысить качество анализа современных социокультурных процессов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Connor S. *Dumbstruck: A Cultural History of Ventriloquism*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 458.
2. Connor S. *Beyond Words: Sobs, Hums, Stutters and Other Vocalizations*. London: Reaktion, 2014. P. 449.
3. Connor S. *Postmodernist Culture: An Introduction to Theories of the Contemporary*. Oxford: Blackwell, 1996. P. 338.
4. Connor S. *Postmodernism Grown Old // Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций / ред. М. К. Попова, В. В. Струков. Воронеж. 2005. С. 55-72.*
5. Коннор С. Постмодернизм на пенсии [Электронный ресурс]. URL: <https://vsealim.ru/stiven-konnor-postmodernizm-na-pensii/#modal-sidebar> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Connor S. *The Book of Skin*. London: Reaktion; Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 306.
7. Connor S. *Giving Way: Thoughts on Unappreciated Dispositions*. Stanford: Stanford University Press, 2019. P. 240.
8. Connor S. *Paraphernalia: The Curious Lives of Magical Things*. London: Profile, 2011. P. 247.
9. Connor S. *The Madness of Knowledge: On Wisdom, Ignorance and Fantasies of Knowing*. London: Reaktion; Chicago: Chicago University Press, 2019. P. 369.
10. Connor S. *The Matter of Air: Science and Art of the Ethereal*. London: Reaktion, 2010. P. 378.
11. Connor S. *A Philosophy of Sport*. London: Reaktion, 2011. P. 232.
12. Connor S. *Living By Numbers: In Defence of Quantity*. London: Reaktion; Chicago: Chicago University Press, 2016. P. 296.
13. Connor S. *Dream Machines*. London: Open Humanities Press, 2017. P. 220.
14. Connor S. *A History of Asking*. London: Open Humanities Press, 2023. P. 238.

REFERENCES:

1. Connor S. Dumbstruck: A Cultural History of Ventriloquism. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 458.
2. Connor S. Beyond Words: Sobs, Hums, Stutters and Other Vocalizations. London: Reaktion, 2014. P. 449.
3. Connor S. Postmodernist Culture: An Introduction to Theories of the Contemporary. Oxford: Blackwell, 1996. P. 338.
4. Connor S. Postmodernism Grown Old // Kul'tura «Post» kak dialog kul'tur i civilizacij [The Post Culture as a Dialogue of Cultures and Civilizations] / ed. M. K. Popova, V. V. Strukov. Voronezh: VGU, 2005. p. 55-72. (In Russian)
5. Connor S. Postmodernizm na pensii [Retired Postmodernism]. [Electronic resource]. URL: <https://vsealim.ru/stiven-konnor-postmodernizm-na-pensii/#modal-sidebar> (accessed: 20.04.2025). (In Russian)
6. Connor S. The Book of Skin. London: Reaktion; Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 306.
7. Connor S. Giving Way: Thoughts on Unappreciated Dispositions. Stanford: Stanford University Press, 2019. P. 240.
8. Connor S. Paraphernalia: The Curious Lives of Magical Things. London: Profile, 2011. P. 247.
9. Connor S. The Madness of Knowledge: On Wisdom, Ignorance and Fantasies of Knowing. London: Reaktion; Chicago: Chicago University Press, 2019. P. 369.
10. Connor S. The Matter of Air: Science and Art of the Ethereal. London: Reaktion, 2010. P. 378.
11. Connor S. A Philosophy of Sport. London: Reaktion, 2011. P. 232.
12. Connor S. Living By Numbers: In Defence of Quantity. London: Reaktion; Chicago: Chicago University Press, 2016. P. 296.
13. Connor S. Dream Machines. London: Open Humanities Press, 2017. P. 220.
14. Connor S. A History of Asking. London: Open Humanities Press, 2023. P. 238.